

Nota Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Продолжение. Начало смотри в № 21)

Дорогая мамочка, как мне тяжело без Вас. Я не в силах сдерживать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть еще хуже, еще тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицией зажигается огонь и кричат: «Ауфштэен!» («Встать!»). Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Идем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех переживаний и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прослышали, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесночку — у меня инга. Не откажите в моей просьбе.

Увезенная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

«Здравствуй моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяйки. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один коридор. Встаю в 5 ч. утра, ложусь в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю я утром и вечером. Хозяйка всегда кричит, так я его боюсь, что я укасаюсь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяйка била по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за месяц 7 марок и 50 пфен. Свое я последнее дотираю, нет ничего у меня ихнего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому выслали пальто, валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будут нажимать, ничего сюда не шли, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и надеюсь на один выход, покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручи меня отсюда из неволи. Дальше я не могу жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы дунат. Целую всех родных. Твоя пока дочь — Маша».

Советская девушка Нада Д.

пишет из г. Хемница на родину: «Дорогая мама! Мы живем в бараке — 60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, есть нам дают утром тарелку окропу (кипятку) и 50 гр. хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 гр. и в обед 25 гр. Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Маня К. пишет родителям: «Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяйки 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало. Работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда не выпускают. Только с работы, да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не знаю на кого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылышки, прилетела бы на родную сторонку».

Девушка Ф. Н. пишет родителям в Бурск во время его оккупации немцами: «Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза — утром 200 грамм хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяина 28 человек — русские, польки, французенки. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяина, только они спят и питаются у нашего хозяина. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое сносила, покупать негде и денег нет. Проработали 4 месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом, догадывайтесь, как живем».

Из лагеря в гор. Штутгарте 3 января 1943 г. Леонид Д. пишет на родину в гор. Щигры, Курской области: «Здравствуйте, дорогие родные, папа, мама, Рай, Ваня и братик Юрик. Первым делом я хочу Вам описать свою жизнь с начала до конца. Дорогие родные,

когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере и я с тех пор разбился с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходила грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 км., а от питания я еле двигаю ноги, так что эта жизнь в Германии останется на всю мою жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные, станут волосы дыбом. Я уже решил покончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улетел отсюда».

17-летняя Нина С. пишет с чужбины на родину 18 августа 1942 года: «Дорогие родители, папа и мама, я нахожусь в гор. Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я всею похудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все то...»

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Бодман рассказывает: «...Деревня Мироновка должна была поставить для отправки в Германию 20 юношей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постелях. Дважды мне удавалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнали несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Позорительней всего и придиричней всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали на разгибной спиной, молча. Обед тут же, в цеху — миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 грамм суррогатного хлеба подались еще утром. Вечером пригоняли обратно в казармы. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдают первый же немец, который признает тебе русского. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подорвали мое здоровье».

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены преступным гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и инструкции, письма советских граждан из Германии, но и письма немцев к солдатам и офицерам германской армии, находящимся на советско-германском фронте.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бока 221 немецкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. В нем говорится: «Много русских женщин и девушек работают на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально падают с ног. Им часто попадает от охраны плетьюми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только-что пригнанных сюда женщин из России».

Солдату Элипу Шиллинг пишет Лотта Меллер из Пуфенгаузена 10 августа 1942 года: «Недавно здесь, в Пуфенгаузене, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане словарь, а в другом револьвер». Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях царит огромная смертность. Солдату Отто Теск, 6 роты 4 полка 32 немецкой пехотной дивизии пишет Фрида Пунц из Гюльтце у Альтентрептова, округ Демми 30 апреля 1942 года: «...Здесь в среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище погребено уже пятеро, и двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...»

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10—15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе рабов. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во времена рабовладельческого строя, покупатели рабов пробуют мускулы на руках и ногах у продаваемых в рабство советских граждан, обменивают изнуренных беспо-

щадной эксплуатацией рабов более крепких. Унтер-офицеру Посифу Керкерт, п/п № 261873, его жена Мария Виккерг из Франкфурта пишет: «Я тебе еще сообщала о получении посланных тобой 100 марок. Я же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить продукты. Теперь это не так дорого. Старшему ефрейтору Фрау Кнаппе, п/п № 08999 пишет жена Рут Кнаппе, из Грумбурга в Ангальте: «...Украинца у меня больше нет... он ничего хотел слушать и был страшным лентяем. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не дойдет ли он в более крупное хозяйство, но там он тоже самое. Я сообщила об этом телефону в Бюро труда, когда придет новый транспорт они мне сказать не могли. Герберт пока его держит, а потом обменяет его».

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в людные кладовые и сараи. Кормят выпроголодь и истязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются всячески подавляя в них человеческое достоинство. 16-летняя девушка Валя Демужкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказала: «Я работала у немки. Муж ее — лейтенант Карл Штокк убит на восточном фронте под Сталинградом. 1 января 1943 г. фрау Штокк на новогодний обед должны были пригласить гости. Поголовная работа и своим невеселыми думами, я не замечала, как закипело и начался на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По кухне распространился запах угара. Разъяренная барыня ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю, остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнулась в больнице, ощутила невыносимую боль в зрачке. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробиралась обратно на родину».

Надя С., 16 лет, ученица 9 класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: «Немцы насильно отправляли почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзале во время отъезда стоял эстон и плакал. Плакали отъезжающие и провожающие. Меня и еще 16 девушек направили в г. Швац. Здесь происходила самая на-

Окончание см. на 2 стр.)

Окончание ноты Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

стоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки поворачивали нас во все стороны, мерили и ощупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с 6 часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеба кушала редко. Каждый день я мыла пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Фрау была не очень злая — толкнет, ущипнет или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспомнишь, что училась в восьмом классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправившись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях, томился тысяча советских граждан. Ежедневно из лагеря выносили 10—15 трупов...

Немецкие рабовладельцы часто открыто хвастаются своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шпеер пишет своему зятю солдату Позефу Шпееру: «У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук...». Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гаусман получил письмо от матери из Швейцарии: «У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь

там запирают. Среди них юноши 14—15 лет. Не беспокойся, они смогут работать».

Лейтенант 8 роты 187 полка 81 пехотной дивизии Гергардт Шидетт пишет фрау Сузи Краммер из Теплин-Шеняу (Судетская обл.) 12 июля 1942 года: «Нам должны прислать десять русских в пивоварню. Уж я заставлю поворачиваться эту банду. Охотнее всего я бы перебила всех русских».

Тысячи советских граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчаяния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередко советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405 полка 121 пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люде:

«Вчера днём к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свиномнике повесилась русская девка. Наши работницы полки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и всё время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно, ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу».

IV.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ И ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН, ВИНОВНЫХ В БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НАСИЛЬНО УВЕДЕННЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

На основании вышеизложенных и других имеющихся в его распоряжении документальных материалов Советское Правительство считает неопровержимо установленным, что гитлеровское правительство Германии, попирая самые элементарные права народов и права человека, совершало и продолжает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и насилия угоняются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин;

для угоняемых мирных граждан устанавливается режим бесправных невольников и непосильного труда;

советские граждане продаются в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческому унижению и истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучительную смерть.

Советское Правительство возлагает, прежде всего, на правящую гитлеровскую клику и

на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил ведения войны.

Советское Правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведут набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское Правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главаря гитлеровской Германии, должны понести также уже избранные преступники, как «главный уполномоченный по использованию рабочей силы» гаулейтер Фриц Заукель и гитлеровские заместители на захваченных советских землях: рейхскомиссар Украины Эрих Кох, «рейхскомиссар Остланда» (территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской Советских Республик) Гейнрих Лозе и его помощник — гене-

ральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимающий пост «имперского министра по делам оккупированных восточных областей».

Советское Правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания.

Созданная в Советском Союзе Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских властей ведет полный и точный учет всех фактов, относящихся к увозу в немецкое рабство советских людей. Чрезвычайная Государственная Комиссия производит поименный учет тех гитлеровских чиновников и частных лиц в Германии, которые виновны в бесчеловечной эксплуатации и гибели советских граждан в немецко-фашистской неволе.

Советскому Правительству и народам СССР хорошо известно, что, наряду с советскими гражданами, миллионы мирных людей из оккупированных гитлеровцами стран Европы силой и обманом загнаны в немецко-фашистское рабство. Под шумиху о пресловутой «тотальной» мобилизации гитлеровцы стараются превратить в своих рабов новые сотни тысяч мирных граждан Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Голландии, народы которых вместе с народами Советского Союза видят свою общую задачу в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и в уничтожении гитлеровского государства, как своего смертельного врага.

Советское Правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно увозимых в немецко-фашистское рабство.

Примите и пр.
В. МОЛОТОВ.
Москва, 11 мая 1943 года».

Черчилль и лорд Бивербрук прибыли в Вашингтон

ЛОНДОН, 11 мая (ТАСС). Агентство Рейтер, сообщает, что премьер-министр Великобритании Черчилль в сопровождении лорда Бивербрука, а также представителей военного и морского генеральных штабов прибыли в Вашингтон. Они были встречены президентом США Рузвельтом.

От Советского Информбюро (Из вечернего сообщения 15 мая)

В течение 15 мая на фронте существенных изменений не произошло.

14 мая нашей авиацией на различных участках фронта уничтожено и повреждено до 100 немецких автомашин, разбито 5 железнодорожных эшелонов, подавлен огонь 11 артиллерийских и минометных батарей, взорвано 2 склада противника с боеприпасами. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 32 немецких самолета. Кроме того, уничтожено на аэродромах 7 самолетов противника. С боевого задания не вернулись 9 наших самолетов.

На Кубани, север-восточнее Новороссийска, наши части вели огневой бой с противником. Разрушено свыше 20 вражеских дзотов и блиндажей, уничтожены 3 минометных батареи и взорваны 2 склада боеприпасов. На одном участке противник силою до роты пехоты при поддержке 7 танков пытался вести разведку. На другом участке 2 батальона немецкой пехоты при поддержке 15 танков атаковали наши позиции. На том и на другом участке наши части нанесли гитлеровцам тяжелые потери и отбросили их в исходное положение. Подбито и сожжено 5 немецких танков.

Южнее Красного Ямана немцы предприняли попытку переправиться через Северный Донец. Рано утром батальон пехоты противника, под прикрытием сильного артиллерийско-минометного огня начал форсировать реку. Переправившиеся на лодках гитлеровцы атаковали наши передовые подразделения. Советские бойцы контрастной опрокинули противника. Гитлеровцы были прижаты к реке и разгромлены. Потоплено 12 лодок и истреблено до 200 немецких солдат и офицеров. Захвачены пленные и трофеи.

В районе Севска наши артиллеристы произвели несколько огневых налетов на позиции противника. Уничтожены 3 немецких орудия, минометная батарея, 4 станковых пулемета, 25 автомашин и повозок с различными военными грузами.

Налет нашей авиации на железнодорожные узлы Гомель и Орел

В ночь на 15 мая наша авиация дальнего действия произвела крупные налеты на железнодорожные узлы Гомель и Орел. Сильной бомбардировке были подвергнуты склады и железнодорожные эшелоны противника с боеприпасами, горючим и военной техникой.

В Гомеле на железнодорожных станциях пассажирская, товарная и сортировочная к моменту налета находились десятки железнодорожных эшелонов. В результате бомбардировки в

на Ленинградском фронте наши подразделения истребили более 100 вражеских солдат и офицеров. Артиллерийским и минометным огнем разрушены 14 немецких дзотов и 9 землянок, уничтожена артиллерийская батарея противника. Группа разведчиков под командованием тов. Степанова была атакована численно превосходящими силами гитлеровцев. Советские разведчики уничтожили 10 немецких солдат, вышли из боя и без потерь вернулись в свою часть.

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Волынской области, внезапно атаковал немецкий гарнизон в крупном населенном пункте. В ожесточенной схватке советские патриоты убили до 20 гитлеровцев, взяли в плен 60 немецких солдат и 56 полицейских. Партизаны взорвали несколько складов противника. Партизанский отряд имени XXV годовщины Советской Украины 7 мая напал на автоколонну противника. Партизаны сожгли 7 автомашин, истребили 36 венгерских солдат и захватили трофеи.

Пленный ефрейтор 2-го велосипедного эскадрона 332-ой немецкой пехотной дивизии Позеф Макспер сообщил: «Гибель армии Паулюса под Сталинградом и отступление немецких войск подорвали у солдат веру в победу Германии. Многие солдаты нашего эскадрона с тревогой ждут развития событий. Первая зима в России кончилась для нас весьма плачевно. Русские разгромили немецкую армию под Москвой и отогнали ее до Ржева. Вторая зима оказалась еще хуже, чем первая. Русские вернули большую территорию и отогнали нас еще дальше на Запад. Потери немецких войск неслыханно возросли. Что будет, если дело дойдет до третьей зимы? Но достигнем ли мы до третьей зимы? Солдаты боятся, что летом русские ударят с Востока, а англичане и американцы — с Запада и возьмут германскую армию в гигантские клещи. Вслед за этим наступит полный военный разгром Германии».

На железнодорожном узле Орел в результате бомбардировки возникли многочисленные пожары, сопровождавшиеся взрывами большой силы.

Все наши самолеты, кроме одного, вернулись на свои базы.

Ответственный редактор А. В. Теплых.